

Симультанность и Симультанная история¹ Simultaneity and Simultaneous History

В статье приведены обоснования атемпорального подхода к изучению прошлого. На примере отношения “власть-как-харизма” определены понятия “симультанность” и “хорион”. Освещены также некоторые онтологические и гносеологические вопросы, связанные с такими понятиями, как “симультанность”, “потенцированное бытие”, “существование”, “возможность” и др.

Ключевые слова: Метафизика времени, потенцированное бытие, возможность, симультанность, фрактальная синхрония, вовлеченность, Симультанная история, хорион, темпоральность/атемпоральность, “Я-узнавание”/ “Я-идентификация” .

The paper contains arguments for the atemporal model of the past. ‘Simultaneity’ and ‘Chorion’ – the basic notions of the model – are exemplified by a correlation ‘power-as-a-charism’. Also, the paper deals with some ontological and epistemological questions related to such notions as ‘simultaneity,’ ‘potentative being,’ ‘existence,’ ‘possibility,’ etc.

Key words: Metaphysics of Time, potentative being, possibility, simultaneity, fractal synchronicity, involvement, Simultaneous History, chorion, temporality/atemporality, personal identity.

*В любой “точке” бытия, где наличествует что-то одно,
наличествует и все другое*

“Вчера” – это лишь синоним “сегодня”

1

Однажды кто-то сказал мне о том, что я называюсь человеком. Этот “кто-то” указывал пальцем на собаку, привязанную цепью к деревянной будке, и говорил приблизительно следующее: это пес, он животное, а ты человек и я – человек, мы с тобой похожи, мы – люди.

Я не поверил этому “кому-то”, но запомнил его слова.

Я не поверил ему, потому что пес говорил мне о том, что я - пес. И я понимал его так же хорошо, как и того “кого-то”. Я даже больше верил псу, поскольку, как мне казалось, он понимал меня лучше всех других, и поскольку я часто видел, как “кто-то” кричит на пса и даже бьет его ремнем, то есть производит те же действия, каковым неоднократно подвергался и я сам.

С другой стороны, этот “кто-то” понимал те слова, которые я ему говорил, а значит, между нами действительно тоже было нечто общее.

Постепенно мой выбор склонился в пользу “человека”, поскольку мне никак не удавалось объяснить псу, что не следует мочиться на угол своей же будки. Хотя вполне возможно, что я просто не смог найти нужных слов. Или не смог понять, почему он поступает именно так.

¹ К постановке проблемы.

Я начал называть себя человеком, хотя в глубине души продолжал считать себя псом.

Позже, в школе, мне настойчиво объясняли разницу в биологическом строении собаки и человека, а также то, что животные не обладают разумом или сознанием. Я не понимал, что это такое – разум. Если это способность понимать другого, то такой способностью обладал и мой пес, и разница между нами состояла, как мне казалось, лишь в количестве понимаемого.

Пес, доказывали мне в школе, не умеет читать и писать, он действует исключительно на основе инстинктов; в конце концов, он не знает, зачем живет.

Но ведь я прекрасно понимал, что читать и писать меня *научили* в школе, и про инстинкты я вызубрил тоже из учебника, и я тоже не знал, зачем я живу. Мало того, этого не знали и те люди, которым я задавал подобный вопрос. Одни говорили, что так нужно Богу, и показывали при этом на иконы, а другие говорили: вырастешь – поймешь.

На иконах был изображен очень хмурый человек, своим видом похожий на того, кто бил пса. Поэтому вечером перед сном я рассказывал Богу молитву (которую меня заставили выучить), а днем тыкал кукиши.

Оставалось ждать, пока я вырасту.

Я рос, но понимание того, зачем я живу, не приходило.

В какой-то умной книжке я прочитал: смысл не в том, чтобы ответить на этот вопрос; смысл в том, чтобы его задавать.

Мне очень захотелось поверить этой книжке.

И я поверил. Хотя всегда, глядя в большие и печальные глаза пса, я видел в них тот же вопрос.

Позже мне стало понятно, что разница между человеком и животным состоит всего лишь в том, кто кого посадил на цепь.

Понятным стало и другое: я – это пустота, мыслящая себя человеком.

2

Я мыслю себя человеком. По крайней мере, человеком в определении Хайдеггера – как существом, задающим вопросом о собственной бытии.

Я не знаю, зачем я задаюсь этим вопросом. Насколько себя помню, я всегда задавал себе этот вопрос в той или иной форме. Если исходить из Хайдеггера, не задавая его, я, наверное, перестану быть человеком, становлюсь чем-то другим, возможно, представителем какого-то иного антропологического типа или биологического вида. Значит, такое вопрошание определяет меня в рамках какой-то категории. И я задаю его хотя бы для того, чтобы не быть посаженным на цепь.

Как нечто “вне цепи” я обладаю некими возможностями. Из всей совокупности возможностей я реализую какие-то одни и не реализую другие, хотя осознаю обе группы возможностей. В силу своего специфического “человеческого” строения и в силу различных социальных и т. п. обстоятельств я не могу реализовать все возможности сразу. Я могу реализовать что-то одно и осознавать, что при этом упускаю много других возможностей.

Реализованные возможности я называю реальными, действительными, существующими (существовавшими), а нереализованные я называю нереальными, недействительными, несуществующими (не существовавшими). Так меня учили. Но при этом мои учителя упускали из виду, как я понимаю, весьма важную вещь: да, я не вижу, не слышу, не осязаю свои нереализованные возможности, т.е. они не даны мне на перцептуальном уровне. Я могу лишь их вообразить с большей или меньшей степенью вероятности. Но точно так же я не вижу, не слышу, не осязаю, например, воздух, атмосферное давление, далекие невидимые звезды, ось симметрии в кристалле или в своем теле или бозоны Хиггса, или свой цитоскелет. Однако все это реально, действительно, все это существует и оказывает на меня решающее влияние. Точно так же и мои нереализованные возможности. Они управляют мной в моем выборе возможностей с не меньшей силой, чем реализованные. Если внимательно посмотреть на свою фотографию (“повернув глаза души”), то можно увидеть, что на ней изображено не только то, каким вы были на момент фотографирования, но и то, каким вы *могли бы* быть на тот момент. Там изображены не только ваши реализованные возможности, но и ваши нереализованные возможности. Они, эти нереализованные возможности, тоже воплощены в то, каким вы есть на данной фотографии.

Значит, есть два взаимосвязанных и взаимообуславливающих мира возможностей – мир реализованных возможностей и мир нереализованных возможностей. Поскольку оба мира взаимодействуют, значит можно говорить об одном и том же мире возможностей в двух формах. Отличие между ними состоит в том, что мир реализованных возможностей я обычно воспринимаю в виде последовательности - временной, причинной, пространственной, чего я не могу сказать о мире нереализованных возможностей, который возможно представить только как вневременную, внепричинную, внепространственную совокупность. Но обе формы для меня существенны, поскольку определенным образом на меня влияют. Значит, каждая из них зависит одна от другой, значит обе они наличествуют, составляя собой единое потенцированное бытие.

3

Любая возможность в мире нереализованных возможностей, по определению, обладает определенным потенциалом, а именно – “быть реализованной” (подобно любой реализованной возможности, обладающей потенциалом – “не быть реализованной”). Как об этом говорит Аристотель: “Так что не только возможно возникновение — привходящим образом — из не-сущего, но и, [можно сказать], все возникает из сущего, однако из сущего в возможности, а не из сущего в действительности. И именно это [сущее в возможности] означает единое Анаксагора; лучше его изречения “все вместе” или утверждения Эмпедокла и Анаксимандра о смеси, или изречения Демокрита было бы высказывание: “Все вещи были вместе в возможности, в действительности же нет””.²

Кроме того, нереализованная возможность может быть описана в терминах вероятности, определяющих ее степень, и в терминах потенциальной энергии, возрастающей или

² “Метафизика”, Кн. XII, гл. 2. – Аристотель. Соч. в 4-х томах. – М.: Наука, 1975. – Т.1. - С. 301.

уменьшающейся в зависимости от соотнесенности этой возможности со всем потенцированным бытием (как, например, потенциальная энергия камня зависит от того, как высоко вы подняли его над землей, то есть от асимметрии положения данного камня).

Обладая потенциалом, нереализованная возможность, следовательно, наличествует как определенная структура или форма. Поскольку эта структура взаимосвязана с всем универсумом потенцированного бытия, она наличествует как структура изменяющаяся (подобно фракталу, изменяющему форму в зависимости от изменений целого).

Если внимательно посмотреть на течение реки или на любой турбулентный поток, то можно увидеть, что поток состоит из бесконечного количества малых и больших завихрений (физики называют их нелинейными фрактальными волнами), *самопроизвольно* возникающими и исчезающими, которые, собственно, и составляют весь поток. В некотором смысле, универсум потенцированного бытия можно представить в виде такого потока.

По всей видимости, подобно любой линейной системе, нелинейная фрактальная волна (или нереализованная возможность) имеет также и определенный ритм.³

Характеризуется ли такой поток темпоральностью или атемпоральностью? По-видимому, речь идет скорее о симультанности, понимаемой шире, чем просто одновременность или синхрония (семантическое поле англ. слова “simultaneous” предполагает и параллельность и дублирование, и синхронность; синонимом в этом случае может быть термин “фрактальная синхрония”).

4

Похоже, что я нахожусь в каком-то потоке, сам являясь частью этого потока. И похоже, что “быть посаженным на цепь” и “не быть посаженным на цепь” зависит от того, кто из них (пес или тот “кто-то”) первым реализовал возможность помыслить себя как “Я”. Вполне возможно, что если бы первым оказался пес, то “на цепи” сидело бы нечто, внешне очень похожее на представителя вида Гомо сапиенс из отряда приматов.

Вопрос о том, базировалась ли реализация идеи “Я” на неких “супер-возможностях” данного вида (по сравнению с другими видами), или сами эти “супер-возможности” возникли из реализации данной идеи представляется вопросом, настолько же открытым, насколько вообще лишенным смысла.

Более важна его обратная сторона: что такое “Я” и каким образом конкретный представитель вида Гомо сапиенс может отождествлять (или не отождествлять) себя в мире реализованных возможностей. Если исходить из “супер-возможностей” вида Гомо сапиенс, то память окажется, конечно же, среди первых претендентов. На первый взгляд, действительно, наличие памяти как раз и является той ниточкой, которая связывает конкретного представителя данного вида в некое целое. Но с другой стороны, такая же ниточка есть и у моего нынешнего пса (кстати, его зовут Обормот). Иначе он не узнавал бы меня и вряд ли воспринимал бы, скажем, свои лапы как нечто свое. То есть отождествлять “Я” с памятью - не совсем правильно (если вообще правильно). Утратив

³ Подр. см.: Чечельницкий А.М. Волновая структура Солнечной системы и ритмы биосферы // Современные проблемы сохранения и изучения биосферы. СПб: Гидрометиздат, 1992; или здесь: Буданов В.Г. Метод ритмокаскадов: о фрактальной природе времени эволюционирующих систем. – Ресурс: www.trinitas.ru

память в результате несчастного случая, представитель вида Гомо сапиенс, тем не менее, не утрачивает возможность самоотождествления. Он может утратить то, что мы называем “личность”, то есть некие психологические и физические навыки, приобретенные в результате реализации идеи “Я”. Но зверек под названием “Я” продолжает в нем существовать. То есть память – это то, что больше связано с идеей “личности”, а не с “Я”. Кроме того, память потому и есть память, что она направлена на (или охватывает) уже реализованные возможности, между тем как зверек “Я” смотрит и на нереализованные возможности. Говоря в терминах “прошлого”, “настоящего” и “будущего”, этот зверек ориентирован во все три стороны, и в этом плане его, казалось бы, можно легко определить как совокупность неких представлений о “прошлом” и представлений о “будущем”, или как голое ожидание возможностей. Но он прячется несколько глубже, чем просто в “ожидании возможностей”. Определяя его так, мы упускаем из виду нечто другое, более существенное. Например, стараясь что-то вспомнить или о чем-то подумать, помечтать, и затем вспомнив (или подумав, помечтав), откуда нам известно, что то, о чем мы вспомнили (подумали, помечтали) – это именно то, о чем мы хотели вспомнить (подумать, помечтать)? Именно в этом вопросе и живет наш зверек. То есть, в широком смысле, “Я” – это некое пограничное состояние между двумя формами бытия (миром реализованных возможностей и миром нереализованных возможностей). Назовем это эмерджентным модусом “Я”, поскольку “Я” в данном случае связано в том числе и с миром реализованных (проявленных) возможностей. По всей вероятности, такое “Я-узнавание” у класса млекопитающих реализуется (проявляется, фиксируется) при первом митотическом делении зиготы. В узком смысле, “Я” – это *механизм (или ритм)* узнавания, то есть возможность возможностей. Назовем это потенцированным (бытийным) модусом “Я”. В этом понимании “Я” и есть мыслящая пустота.

5

Я не один в мире. Рядом со мной живут люди, которые тоже верят, что они – люди. У каждого из них есть свой собственный мир реализованных и мир нереализованных возможностей. Как соотносятся мои миры с чужими мирами возможностей? Мои собственные нереализованные возможности и нереализованные возможности других составляют единый мир нереализованных возможностей. По отношению ко мне данный мир дополняется возможностями, реализованными другими людьми. Таким образом, мир моих нереализованных возможностей состоит из: (1) моих нереализованных возможностей, (2) нереализованных возможностей других (людей, животных, растений и объектов “неживой природы”) и (3) реализованных возможностей других.

Поскольку я могу реализовать мои возможности только в последовательности, то мир моих реализованных возможностей я привык делить на: (1) возможности, уже реализованные, (2) возможности, которые я реализую на данный момент (когда пишу), и (3) возможности, которые я намерен реализовать. При всей условности такого деления понятно, что категория уже реализованных возможностей и категория еще не реализованных возможностей имеют один и тот же потенцированный статус. Я могу полагать, что мои уже (на данный момент, когда пишу) реализованные возможности “не существуют”, точно так же как и возможности, еще не реализованные. Но такое мое полагание является не совсем правильным. На самом деле все они существуют, да хотя бы в виде той психо-физиологической формы, какую я из себя представляю, в том смысле, что мое психо-физиологическое состояние на данный момент (когда пишу) является результатом реализации (мною и другими) каких-то одних возможностей и нереализации всех других возможностей). Значит, человек – это такой зверь, форма и действия которого определяются бесконечным универсумом потенцированного бытия, и который

определяет этот универсум потенцированного бытия своей формой и действиями. Человек лепит бытие, бытие лепит человека. В этом плане правильно: я это весь мир, и весь мир – это я.

В потенцированном бытии все реализованное и нереализованное связано одно с другим. Любое мое движение (т.е. реализация каких-то возможностей) изменяет всю картину бытия. Представьте, что вы находитесь в некоей туманной области (облаке), сами являясь частью этой области (скажем, ее сгустком). Вся область состоит из таких сгустков. Любое изменение в любом сгустке отражается на всех других сгустках и приводит к тем или иным изменениям во всей области. Изменения всей области, в свою очередь, влияют на каждый сгусток, и т.д. Вопрос только в том, насколько значительны такие изменения по отношению ко мне, другому, пятому, десятому, т.е. насколько эти изменения влияют на меня, другого, пятого... Но это вопрос эпитетов.

Заметим, что эти изменения не интенциональны. Даже если у меня возникает желание реализовать какую-то возможность, само это желание также определяется всем потенцированным бытием.⁴ Это первый уровень ограничения возможностей, которые я могу выбирать: любая моя (осознанная) мысль определяется данным сцеплением возможностей бытия.)

В этом плане изменения бытия не имеют по отношению ко мне (другому, пятому) никаких намерений. Они не угрожающие и не радостные. Они вообще не обладают такими характеристиками. Следует забыть все эпитеты. Кроме того, все эти изменения равноправны: нет “важного” и “неважного”, “положительного” или “отрицательного”, “случайного” или “необходимого” и т. п. Взмах крыла бабочки имеет такое же “значение”, как и вращение лопастей вертолета или восход солнца. Прав Дарума (буддизм), утверждающий о равноправии всех вещей мира.

По всей вероятности, мы никогда не узнаем, как возникло (если вообще когда-либо возникло) это потенцированное бытие. Мы можем лишь указать на то, что изменчивость – это свойство или способ бытийствования потенцированного бытия.

6

То, что мы называем существованием, является *одной из форм* потенцированного бытия. То есть существование - это не единственная форма бытия.⁵ Существование – *одна из форм бытия*. Вещь может обладать бытием (быть), но не обладать существованием (существовать).

Всякая возможность может реализоваться, то есть проявляться, материализоваться, обрести существование.

В широком смысле:

Вещь реализована (проявлена, существует) в той мере, в какой она обладает массой и энергией. Мы не знаем в точности, как происходит “реализация”.⁶ Мы знаем, что вещь считается реализованной (проявленной, существующей), если обладает массой и

⁴ Проявление моего “Я-узнавания” определяется всей бесконечной совокупностью бытия, то есть таким положением “калейдоскопа” возможностей, которые привели к проявлению моего “Я-узнавания”. Мое “Я-узнавание” “проявляется” под влиянием определенного сцепления возможностей, а поэтому может взаимодействовать именно с данным сцеплением (поэтому я сосуществую именно с тем, с чем сосуществую).

⁵ См. проблему “существования” в квантовой физике.

⁶ См., напр., проблему бозонов Хиггса.

энергией. И мы знаем, что реализация любой вещи обусловлена *всеми* (реализованными и нереализованными) возможностями потенцированного бытия и она же вносит изменения во *все* возможности этого бытия. Любая “точка” потенцированного бытия обладает всеми возможностями всего потенцированного бытия, приблизительно как во фрактальных образованиях или как в голограмме, каждый фрагмент которой содержит изображение всего целого изображения.

Точнее это можно сформулировать так: в любой точке, где наличествует что-то одно, одновременно всегда наличествует и что-то другое (как на вашей фотографии; или, цитируя “Авесту”: и там, где много жизни, там всегда много смерти). Далее. Нетрудно понять, что если в любой точке, где наличествует что-то одно, всегда наличествует и другое, то там наличествует и *все* другое. То есть из любой точки можно извлечь информацию обо всем бытии (вселенная в капле росы).

В узком смысле:

Определяя человека как возможность возможностей, я говорю и о том, что для человека реализовать любую возможность всегда означает быть другим. Даже если я лежу на диване и смотрю в потолок, я все равно реализую определенные свои возможности и становлюсь другим, поскольку получаю определенное психо-физическое состояние. Кроме того, определяя себя смотрящим на диване, я одновременно изменяю и определяю всю совокупность своих нереализованных возможностей, то есть “поворачиваю калейдоскоп” (или “раскручиваю туман”) в определенном направлении в том смысле, что происходит перегруппировка во всех возможностях бытия в целом.

Из этого следует, что я (ты, он, она, оно), как возможность возможностей, присутствую во всех “точках” бытия одновременно.

7

Человек как возможность возможностей есть определение человека через бытие. Человек как возможность лишь таких возможностей, которые обусловлены его массой и энергией (его проявленной конституцией), есть определение человека через существование. Человек как эмбрион (от митоза и до новорожденного приблизительно годового возраста) обладает определенными возможностями, обусловленными его биологической конституцией, человек как личность (от года и далее) дополняется возможностями, обусловленными его психологической конституцией. При этом следует учитывать, что человек может существовать и без психологических возможностей (как эмбрион, как новорожденный до года, в состояниях, подобных коматозным, и в состоянии труп).

Далее. Я имею на сегодня определенные форму, массу и энергию и мыслю себя человеком, то есть я имею определенное психо-физическое состояние, которое я, в рамках бытовой психологии, называю “данный момент” или “настоящее время”. При всех философских дебатах вокруг термина “настоящее” для меня (в тех же рамках) очевидно, что мое настоящее уместается в отрезок между моментом моего рождения и моментом моей смерти, отрезок, который я называю моей жизнью, моим существованием и т.д. Но такая “бытовая” психология доказывает лишь то, что она действительно бытовая (folk-psychology). Между воздействием на наши органы чувств и ощущением (осознанием) этого воздействия всегда лежит некоторый (пусть даже и невероятно короткий) отрезок времени, так что наши ощущения всегда “опаздывают”. Проще говоря, вы никогда не сможете определить свою “настоящую” (именно в данный момент наличествующую)

мысль. Поэтому определить “настоящее” даже в рамках бытовой психологии вряд ли возможно.

Впрочем, понятия “настоящее” с трудом поддается определению даже в рамках философских концепций.

Все известные на сегодня философские концепции времени можно разделить на две большие группы (такое деления впервые было предложено Джоном Мак-Таггартом в виде А-серий и Б-серий).⁷

К Б-сериям по Мак-Таггарту, относятся: “4D-подход” – философская теория, включающая в себя этернализм, пердурантизм или теорию “временных частей” (в каждый момент времени пребывает лишь определенная “временная часть” объекта, сам же объект растянут во времени). “Продолжительность во времени подобна протяженности в пространстве. Дорога состоит из пространственных участков на всем своем протяжении; точно так же объект во времени состоит из временных частей, составляющих весь период его дления”.⁸

К А-сериям по Мак-Таггарту, относятся: “3D-подход” – философская доктрина, включающая в себя эндурантизм (в каждый момент времени объект пребывает полностью). “4D-подход” – доктрина временных частей и теория о том, что объекты длятся (perdure) – противостоит “3D-подходу”, или доктрине о том, что вещи не длятся (endure), а “присутствуют полностью” [в каждый конкретный момент времени. – Ю. О.]”.⁹

“3D-подход” часто называют презентизмом (presentism), поскольку в рамках данной теории существует только настоящее, а прошлого и будущего не существует.

Впрочем, очевидно, что данные подходы обращены не к самой “природе времени”, а скорее к нашему отношению к объекту в терминах “целого” и “частей” (что именно следует считать *целостным* объектом: то, каким он представлен в совокупности всех моментов времени, на протяжении которых он существует, или то, каким он представлен в каждый отдельный момент времени? существует ли вообще объект как целое?) и в терминах “воспринимающего” и “воспринимаемого” (подобно вопросу о том, чем является частица – волной или корпускулой).

Совершенно другой подход к пониманию времени предлагает Дэвид Бом в своей работе “Целостность и скрытый порядок”, где предложен принцип холодвижения (holomovement) или свертывания-развертывания объектов: “Отношения, составляющие фундаментальный закон, это отношения между свернутыми структурами, взаимопереплетенными и взаимопроникающими одна в другую, а не отношения между абстрагированными и разъединенными формами, обнаруживаемыми нашими чувствами (и нашими приборами)”.¹⁰

Потенцированное бытие предстает именно такой “неделимой целостностью”, в которой все возможности связаны между собой, подобно потоку, состоящему из вихрей.

⁷ Подр. см.: J.M.E. McTaggart. The Unreality of Time // Mind. – No. 17. – London: Oxford University Press, 1908. – P. 457–474 или здесь: <http://www.ditext.com/mctaggart/time.html>

⁸ T.Sider. Four Dimensionalism // The Philosophical Review. – 106. – 1997. – P. 197.

⁹ Ibid.

¹⁰ D. Bohm. Wholeness and the Implicate Order. – London: Routledge, 1980. – P.185.

Какой-то сдвиг (соединение, сцепление) в возможностях потенцированного бытия определяет мое проявление (в форме существования) и какой-то сдвиг определяет момент моего исчезновения, т.е. перехода в потенцированное состояние. Для того чтобы я проявился (реализовался) еще раз необходимо такое соотношение или соединение всех возможностей потенцированного бытия, которое близко или идентично тому, что меня проявило. Это едва ли возможно в силу бесконечности возможностей бытия.¹¹

Между тем, то, что я привык называть временем на бытовом уровне, является лишь отражением различных изменений в моем психо-физиологическом состоянии. Это удобный для меня *умозрительный* способ сортировки моих состояний в последовательности. Я считаю, что я живу от рождения к смерти, но такое полагание непрерывности жизни является чисто условным. Оно (это полагание) основано единственно на моей памяти и на моих ожиданиях (ожидание в обоих направлениях: память – ожидание прошлого; мечты, планы, упования – ожидание будущего), поэтому данное ожидание есть условное. Утверждение, например, о том, что я помню себя маленьким, затем юным, затем взрослым, значит я расту, развиваюсь последовательно, тоже относится к области бытовой психологии наряду с такими ее убеждениями, как “бьет, значит любит” или “толстый, значит добродушный”. Во-первых, мы всегда помним не саму “последовательность”, а отдельные образы себя, отдельные картинки; во-вторых, память, как известно, – вещь весьма ненадежная; в-третьих, мы помним не только себя, но и других и другое; на чем основано наше осознанное полагание себя как себя в нашей памяти? Оно основано на образе меня-нынешнего; то есть мы “выбираем” себя исключительно на основе своего сегодняшнего состояния, и наш выбор основан на том сознательном образе себя, какой мы имеем сегодня; но вряд ли стоит льстить себе: мы – это далеко не то, что мы сами о себе думаем (мы всегда видим себя самыми-самыми справедливыми, добрыми, умными...), а значит при помощи сознания (нашей памяти) мы никогда не сможем правильно определить себя в своей памяти; то есть образ себя в нашей памяти – вещь очень хрупкая и ненадежная; в большинстве случаев все, что мы можем о нем сказать, принадлежит скорее к области фантазий, чем к области четких определений.¹² Наш “прошлый” образ возникает не при помощи памяти, а при помощи того механизма “Я-узнавания”, который определяется всем потенцированным бытием (см. §3).

8

Временной (темпоральный) способ сортировки я прилагаю и ко всему остальному, что существует наряду со мной.

Этот способ сортировки, называемый временем, я использую для упорядочения своих собственных уже (на данный момент, когда пишу) реализованных возможностей и возможностей, реализованных другими.

¹¹ Поэтому невозможен и “возврат-путешествие в прошлое”. Поэтому невозможна и трансплантация мозга от одного человека к другому с сохранением “Я-идентификации”, даже в ходе философских экспериментов с “Я-идентификацией” (см.: Eric T. Olson. The Human Animal: Personal Identity without Psychology. – Oxford University Press, 1999.) Поскольку такая трансплантация, как бы мгновенно она ни проводилась, означает разрыв всего бытия в том плане, что механизм “Я-узнавание” данной особи проявился не по прихоти его тела, мозга, психики и т.д., а определилось всей совокупностью бытия. В таком понимании я всегда пребываю в “вечном настоящем”, безотносительно к тому, в какой форме (реализованной или нереализованной) это происходит.

¹² Подробнее о психологическом и биологическом подходах к “Я”-идентификации см.: Eric T. Olson. The Human Animal: Personal Identity without Psychology. – Oxford University Press, 1999.

Я называю такую сортировку хронологией (историей) и надеюсь, что она помогает мне (1) определиться с моим положением в мире, точнее - определить свое место в сортировке и (2) научиться более эффективной и выгодной по отношению ко мне как человеку реализации тех возможностей, которые я намерен реализовать. Хотя я не совсем понимаю, зачем мне понадобилось сортировать уже реализованные возможности, тем более в том виде, в котором они мне даны (пропущенные через мясорубку теорий, мнений и средств массовой информации), но думаю, что это следует делать для того, чтобы считать себя человеком и как-то выделяться среди других видов и типов существующего рядом со мной, то есть взаимодействовать с другими.

Вполне возможно, что во мне изначально (априорно) заложена некая возможность “историчности”, каковую я и реализую. И в таком случае история как наука есть определенный способ реализации моей (нашей) “историчности”. Но глядя на то, как мой пес прячет заветную косточку, чтобы полакомиться ею “потом”, я понимаю, что в нем тоже заложена такая возможность, и он ее тоже реализует.

Меня научили, что время (дление) есть изменения любой существующей вещи относительно самой себя. Правда, в таком научении упускалась весьма важная вещь: при этом я должен сначала определить (умозрительно) тот признак или совокупность признаков, наличие которых делает данную вещь данной вещью. Отсюда понятно, что время и дление – это лишь то, что присутствует в моей голове, а не в самой вещи (вещи не стареют; они либо теряют свою функциональность, либо обретают новые функции, либо “выходят из моды”). Накопление неупорядоченности (энтропии) в любой вещи, с которой обычно связывают течение времени, не подтверждает “существование времени”. Энтропия является лишь *функцией состояния* вещи, то есть фиксацией определенного ее состояния, а не связи между этими состояниями. Связь между состояниями является умозрительной связью.

Сортируя уже реализованные возможности (назовем их событиями) по изобретенной мною условной хронологической шкале, я стараюсь наделить эти возможности смыслом, то есть стараюсь показать место какой-нибудь из уже реализованных возможностей в общей совокупности возможностей потенцированного бытия, как и насколько я себе ее (совокупность) представляю. Я не знаю, зачем я придаю смысл событиям, но подозреваю, что так происходит потому и для того, чтобы понять, как бытийствует бытие и каково мое место в этом бытии. Я списываю все на то, что человек – это существо, задающееся вопросом о своем бытии. Я подозреваю также и то, что мое желание наделить события смыслом происходит от моей устоявшейся установки на то, что все бытие *уже* (на данный момент, когда пишу) обладает неким смыслом (замысел Божий, Большой взрыв, эволюция, прогресс, развитие от простого к сложному и т. п.). То есть я сам заранее задаю всему некий смысл. И в этом случае я каждый раз ошибаюсь, стараясь “уловить” определенные закономерности и тенденции бытия.

Уже реализованные возможности (события), которые, как я предполагаю, находятся дальше от меня по моей хронологической шкале, я обычно называю более ранними по сравнению с теми событиями, которые я располагаю ближе к себе по хронологической шкале. Кроме того, очень часто я называю более ранние события *причиной* более поздних, а эти более поздние события я называю *следствием* и говорю, что причина порождает следствие. Я не знаю, что именно заставляет меня говорить так, но полагаю, что к такому выводу я прихожу, усматривая некое подобие в смысловом поле этих событий. Но при этом я как-то забываю, что смысл событиям придаю я сам. То есть смысл, которым я наделяю события, и “смысл” бытия – это абсолютно разные смыслы. То, что имеет смысл в моем умозрительном “событийном бытии”, может не иметь “смысла” в общем

потенцированном бытии (единственная связь между ними состоит в том, что мой умозрительный смысл тоже является одной из возможностей потенцированного бытия), и наоборот. Очевидно, тут прав буддизм, утверждающий, что все вещи происходят так, как они происходят (“таковость” вещей), и только человек пытается навязать им смысл.

9

Всю эту “осмысленную” мной и мной хронологизированную изменчивость я люблю называть историей. Я вообще люблю всему давать названия, наверное потому, что люблю наделять все смыслом. Значит, то, что я называю историей, есть умозрительное построение для упорядочивания и придания некоего смысла моей коллекции уже реализованных возможностей (событий).

Но располагая события по хронологии, каковую (хронологию) я сам же изобрел и сам же наделяю смыслом в терминах развития, усложнения, прогресса, и стараясь использовать это свое умозрительное построение для реализации каких-то своих возможностей, которые я намерен реализовать (а иначе, зачем я его строил?), я в конце концов упираюсь вот в какую проблему. Создавая все условия для того, чтобы на основе А (моей конструкции) получить Б (такую реализацию моих возможностей, какую мне хочется получить), я никогда не получаю Б в таком виде, в каком бы мне хотелось получить. Между моими возможностями А и очень желаемым мною результатом Б всегда лежит некое пространство, искажающее это Б до неузнаваемости. В результате в Б я всегда получаю не то или не совсем то, что хочу. Между моими планами и реализацией этих планов всегда уместается некая улыбка дьявола, которая становится тем шире, чем более точными и определенными были мои планы. Почему так происходит? Думая об этом, я прихожу к выводу, что некоторые смыслы в А были не совсем “правильными”. Поэтому я стараюсь изменить смыслы в А казалось бы таким образом, чтобы в точности получить Б. Но для того, чтобы сделать это, мне понадобится определенным образом подкорректировать всю конструкцию А (хотя бы потому, что все смыслы в А я поставил в цепочке зависимости причин и следствий). Вполне возможно, что после такой корректировки я вообще откажусь от Б. Но даже в случае моего неудержимого желания я все-равно не получу желаемое Б в том виде, в котором хотел. Если я не захочу менять смыслы в А (считая их, например, очень правильными), то мне придется либо опять таки отказаться от Б, либо так изменить смысл получаемого искаженного Б, чтобы как-то “подогнать” его к моему А. Но подгонка смысла в Б никак не повлияет на то искаженное Б, которое я получу в реальности. Просто получатся две реальности: первая – умозрительная или воображаемая (реальность-как-мне-хочется) и вторая – настоящая реальность (реальность-как-она-есть). Если я достаточно глуп, то всегда буду пугать первую со второй, то есть всегда буду считать умозрительную реальность самой что ни на есть настоящей и всегда буду вынужден корректировать либо свое А, либо Б, либо и то и другое, всегда буду спорить об истинном и ложном, добре и зле и т. п. Если я достаточно умен, то очень быстро пойму, что между А и Б всегда лежит целый универсум потенцированного бытия, определяющий Б безотносительно к моим желаниям или к моему А. Я буду учитывать это и принимать Б таким, каким оно есть. Я пойму, что уже реализованные возможности (события): (1) не нуждаются в моих эпитетах (смыслах) или хотя бы то, что эти эпитеты абсолютно условны и ими вряд ли следует руководствоваться при реализации моих возможностей; (2) они не состоят во временной связи (или хотя бы то, что такая связь есть абсолютно условной связью); (3) они не состоят в причинно-следственной связи (или хотя бы то, что такая связь абсолютно условна); (4) связь между событиями имеет какой-то иной характер. Какой?

Ситуация, когда между моими намерениями и реализацией этих намерений, всегда стоит огромная область потенцированного бытия, определяющая их реализацию, заставляет меня думать о том, что я (1) или вообще никогда не смогу полностью реализовать свои намерения (2) или должен понять, как происходят сцепления возможностей потенцированного бытия, с тем, чтобы воздействуя на А, учитывать и течение всего потока бытия.

Понятно, что я выберу второе. И здесь мне придется обратиться к вопросу о том, почему я вообще пришел к такому намерению – воздействуя на А, получить Б. Анализируя это свое намерение или состояние, я неминуемо приду к выводу, что это мое намерение *уже* было чем-то предопределено. А значит, я хочу получить то, что у меня уже есть. Точнее у меня уже есть образ того, чего я хочу. И этот образ во мне вполне определен, а я просто этого не осознаю, не понимаю.

Значит либо возможности потенцированного бытия сцепливаются так, что у меня в мозгу возникают некие образы (идеи и т.п.), либо сами возможности потенцированного бытия уже сцеплены вокруг чего-то, похожего на образы (как нейроны нашего мозга сцеплены в нейронные ансамбли, “руководящие” нашими действиями).

Если вспомнить концепцию Бома или холодвижение то, его принцип развертывания очень близок тому, что я называю реализацией (проявлением) возможности.¹³ Основным в реализации любой возможности является свойство вовлеченности или симультанности. Приведу пример: вы присутствуете на вечеринке и наблюдаете гостей. Они расположены приблизительно равномерно в помещении. Вдруг появляется некая вип-персона, и вы видите, как большая часть гостей начинает скапливаться возле нее.¹⁴ Другой пример – рост кристалла по оси симметрии.

Вот об этом принципе симультанности (вовлеченности или сцепленности) и пойдет речь.

Я хочу показать, как реализация одной возможности порождает или привлекает к себе массу других реализованных и нереализованных возможностей по принципу симультанности. Идея состоит в том, что данный принцип не предполагает применения понятия времени для его описания.

Этот принцип ближе всего к гомологии с ее гомологическими рядами и гомологической разницей.

И если уж речь идет об описании моей коллекции уже (на данный момент, когда пишу) реализованных возможностей, то есть того, что мы называем прошлым, то это можно назвать попыткой атемпорального описания прошлого. Я называю такую попытку Симультанной историей.

¹³ См.: David Bohm. Wholeness and the Implicate Order. – London: Routledge, 1980. Вкратце: в основе всего лежит некая динамичная структура, по строению подобная голограмме (со всеми свойствами голограммы), являющаяся источником волновых колебаний. Это т.н. скрытый порядок (implicate order). Открытый порядок (explicate order) – это возбуждающиеся и затухающие волны, исходящие из скрытого порядка. При этом скрытый порядок содержится в каждой области открытого порядка, то есть в определенном смысле каждая область содержит общую структуру “свернутую в себя”. Примеры: в телевизоре сигнал, экран и телевизионная электроника представляют собой скрытый порядок, а изображение – открытый порядок; капля чернила в глицерине: если вращать сосуд очень медленно, капля становится нитью, а затем становится невидимой; если затем вращать сосуд в обратном направлении, то капля восстановится; когда нить невидима, то можно сказать, что порядок капли скрыт в субстанции глицерина; ось симметрии кристалла – скрытый порядок, части кристалла – открытый порядок).

¹⁴ На таком примере П. Хиггс объяснял принцип “работы” бозона в относительно среднем вакуумном поле.

Зачем нужна эта попытка? Чем плохо время?

Оно не плохо. И я с удовольствием использую время в моей практике при определении соотношенности моих психо-физиологических состояний с такими же состояниями других людей, существ, предметов, так или иначе вовлеченных в мою жизнь.

Но при попытке применить время для описания бытия или хотя бы моей коллекции реализованных возможностей (т. е. “прошлого”, “истории”) я должен иметь в виду следующее.

Время – (1) не есть свойство бытия, а есть способ описания бытия; (2) не единственный способ описания и (3) не совсем корректный способ описания бытия.

О кризисе истории (понимаемой как хронологическое изложение событий прошлого) говорят и пишут много, но при этом мало кто отваживается подвергнуть сомнению сам временной фактор – ее основу. Хотя надежность любой науки определяется прежде всего ее умением пересматривать собственные основания.¹⁵

Прошлое – это то, о чем известно, то, что познано (узнано) на момент моего сегодняшнего психо-физиологического состояния. То есть прошлое по своему гносеологическому статусу не содержит временного фактора. Оно дано нам “здесь и сейчас” в виде некой симультанной области. Это гносеологический модус Симультанной истории. (прим.: Онтологический модус Симультанной истории см. в §§ 2-8)

11

Для описания событий “прошлого” можно воспользоваться, например, повторяющейся структурой общественных ситуаций, как об этом пишет Э. Соловьев:

“Можно сказать поэтому, что типологическая общность переживаемых ситуаций сближает людей как тождественно-преемственных моральных субъектов, хотя бы они жили, мыслили и действовали в совершенно разные, экономически и социально непроницаемые друг для друга периоды мировой истории. В каком-то смысле она, эта общность, превращает их в «вечных современников» и делает возможным удивительное временное отношение, когда представитель более ранней (а потому, естественно, и более наивной) эпохи общественного развития просвещает позднейшего исторического деятеля”.¹⁶

Однако, как оказывается, “обобщению” подлежат и “прагматические ситуации”, если при обобщении отказаться от временного фактора.

Примерно об этом говорит и М. Мамардашвили в “Психологической топологии пути” (лекция 31):

“Обратите внимание, что, когда вы живете, а жизнь ваша есть «усилие во времени», то это «усилие во времени» движется и организовано вокруг того, что вы пытаетесь реализовать себя, – а реализуете вы себя под странным знаком тех же самых проблем, которые стояли перед каким-то человеком X две тысячи лет тому назад. Вы ведь спрашиваете о том, насколько полна или неполна ваша жизнь, насколько она вами

¹⁵ “Уровень науки определяется тем, насколько она способна на кризис своих основопонятий”. - М. Хайдеггер. Бытие и время. – Гл. I, § 3.

¹⁶ Э. Соловьев. Прошлое толкует нас. Ресурсы: <http://scepsis.net>

собрана или не собрана, насколько вы контролируете то, что с вами происходит, или не контролируете. Таким образом, я выявляю определенный тип проблем, и эти проблемы отличаются тем, что они вечно решаются”.

Кроме того, в “Символе и сознании” М. Мамардашвили и А. Пятигорский упоминают о так называемых “мировых событиях” и “мировых объектах”:

“Мы полагаем, что некоторые факты, объекты, события сознания, в отличие от событий психической жизни человека, являются событиями, объектами, стоящими как бы на линиях, которые пронизывают любые эпохи, любые человеческие структуры, какие бы они ни были - культурные, социальные, личностные, в которых что-то существует вне времени, в которых что-то существует как тождество”.

И далее, в той же работе:

“В результате событие, отраженное в индийской мифологии, и событие, отраженное в греческой мифологии, могут быть посредством понятия мирового события взяты в одной точке линии как одно событие; то есть как один объект, находящийся в одной точке мировой линии, независимо от того, можно ли в их реальной связи проследить преемственность, заимствование в одной культуре из другой, в одной мифологии из другой и т. д. Оттого-то, вводя понятия "мировой объект" и "мировое событие", мы избавляемся от проблемы пространственно-временных связей, оставляя ее этнографии и антропологии”.¹⁷

В этом случае мы получаем прошлое (историю) как разные реакции на одни и те же раздражители или как разные ответы на одни и те же вопросы. Это темпоральный модус Симультанной истории.

12

Эти различные “ответы” не находятся между собой в причинной зависимости (связи). Это зависимость (связь) иного рода, которую можно назвать симультанностью или вовлеченностью. События (или “ответы”) считаются вовлеченными, если они хотя бы в какой-то мере являются “ответами” или “реакцией” на определенный “раздражитель”. Это каузальный модус Симультанной истории.

Следует подчеркнуть, что такое группирование событий не требует хронологии и не требует введения временной парадигмы.

Но чем же так плоха эта временная парадигма в описании, например, событий “прошлого”?

Время – самая важная подпорка причинно-следственных связей, которые мы пытаемся установить между событиями. Устанавливая такие связи, мы выбираем их всегда в зависимости от определенной конъюнктуры (мы зависим хотя бы от того психо-физиологического состояния, которое имеем на данный момент) – то есть субъективно. Говоря о причинах и следствиях, мы каждый раз вынуждены “переписывать” историю, превращая ее в “историю-как-нам-хочется”, вместо того, чтобы увидеть “историю-как-она-есть”.

Чтобы избежать субъективности при описании событий “прошлого” можно было бы воспользоваться схемой, предложенной О. Шпенглером. Однако проблема предложенных им параллельных эпох состоит не столько в идее их “одновременности”, сколько в

¹⁷ М.К.Мамардашвили, А.М.Пятигорский. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. - М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – Ресурс: www.psylib.ukrweb.net

случайной, чисто внешней, морфологии сходства между ними, определяемой чисто ассоциативно на основе таких понятий, как, например, число, музыка, страх, кремация и ингумация мертвых, забота, магическое пространство, механизмы, масляная живопись и т. п. Морфология сходства у Шпенглера построена не от общего к частному, а наоборот – от частного к общему, поэтому выбор критериев сходства у него практически ничем не обусловлен. Это хорошо прочувствовал Р. Музиль, когда, пародируя “Закат Европы”, писал:

“Существуют лимонно-желтые бабочки, существуют лимонно-желтые китайцы; итак, можно в некотором роде сказать: бабочка – это средневропейский крылатый карлик-китаец. Бабочки, как и китайцы, известны как символы сладострастия. Здесь впервые обращается внимание на никем еще не замеченное соответствие великой эпохи чешуекрылой фауны и китайской культуры. То обстоятельство, что у бабочки есть крылья, а у китайца их нет, представляет собой лишь поверхностный феномен”.¹⁸

Прасимволы, лежащие, по Шпенглеру, в основе существования каждой отдельной культуры и поддающиеся лишь приблизительному вербальному выражению (как, например, тело для античной культуры и чистое пространство – для западной¹⁹), можно оспаривать до бесконечности, что, конечно же, не облегчит решение задачи описания прошлого. К тому же, схематизм в описании прошлого всегда приводит к попыткам предсказания истории (что делает и Шпенглер, помещая конец Европы к 2200 году), т.е. к печальноизвестному историцизму. С другой стороны, система Шпенглера является исключительно важной, поскольку в ней мы, по сути, имеем дело с попыткой атемпорального описания прошлого (по крайней мере, его система параллельных “одновременных” эпох является первым шагом именно к такому описанию).

Избежать историцизма (и субъективности) не представляется возможным даже при “проблемном” описании прошлого, поскольку перечень акцентированных проблем всегда будет предметом конъюнктурного отбора.

13

Для того, чтобы избежать субъективности, следует уяснить, что все “ответы” или “реакции” формируются на основе более широкой повторяющейся в каждой структуре сознания, на основе образов сознания. *“Образы являются единственной реальностью, которую мы постигаем непосредственно; они представляют первичное выражение разума и его энергетической работы, о которой мы не знаем ничего за исключением тех образов, которые он поставляет”*.²⁰

Сознание есть структура для группирования возможностей, структура превращения возможностей в образы.

Группировка возможностей происходит на основе какой-то более широкой структуры, связанной с выбором (“Я-узнаваемостью”) и, очевидно, наличествующей у человека априорно, то есть структуры, которая, собственно, и вычленяет нас как человеков. Эта структура воспроизводится в каждом человеке.

¹⁸ Цит. по: Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // О. Шпенглер. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 67.

¹⁹ О. Шпенглер. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 338.

²⁰ Д.Хиллман. Архетипическая теория: К.-Г. Юнг // Д.Хиллман. Архетипическая психология. – СПб: Б.С.К., 1996. – С.24.

Очевидно, что такая структура весьма близка к архетипической структуре К.-Г. Юнга. По Юнгу, архетипы (1) непредставимы сами по себе, они проявляются в сознании следствиями самих себя, в качестве архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок; (2) обладают собственной инициативой, они заключают в себе определенный способ реагирования (в благоприятной для его проявления ситуации архетип способен порождать мысли и импульсы, таким образом вмешиваясь в нее, возможно, искажая истинные намерения человека); (3) обладают специфической собственной энергетикой (лежат в основе инстинктов; инстинкт воспринимается в форме образов); (4) обладают способностью объединять группы людей, вовлекая их в ту или иную модель поведения.²¹

В работах Юнга названы и проанализированы 13 архетипов или парциальных личностей - тень, персона, эго (герой), анима, анимус, пуэр (вечная юность), сенекс (мудрый старец), трикстер (плут), великая мать, многозначительное животное, целитель, божественное дитя, самость.

“С одной стороны, это имена архетипов, то есть типичных персонажей мифов, искусства, литературы и религии во всем мире. С другой стороны, это типичные фигуры сновидений, семейных ролей, личных эмоций и патологий, структурирующих наше поведение. Их можно обнаружить повсюду, где человеческое воображение разрабатывает свои собственные продукты от религиозных догм до галлюцинаторных верований, от «сублимированного» искусства до галлюцинирующего психоза. Эти фигуры являются примерами того, как каждая личность может решать, когда та или иная парциальная личность будет доминировать в общем раскладе, и они же представляют точки зрения или позиции, управляющие нашими идеями и чувствами относительно внешнего мира и нас самих”.²²

Из вышеизложенного понятно, что данные архетипы лежат в основе наших возможностей продуцировать идеи (образы) о мире вообще и нашей предрасположенности к тем или иным действиям на основе этих идей.

Например, рассматриваемый ниже (§ 15) образ (макрохорион) власти является производным по крайней мере двух бессознательных архетипов: персоны (героя-спасителя) и мудрого старца (отца).

И архетипы, и сознательные образы являются ключевыми для определения тех возможностей, которые человек намерен реализовать. Поэтому именно эти образы следует использовать для описания нашей коллекции уже реализованных возможностей (событий), если мы хотим быть предельно объективными.

Это архетипический модус Симультанной истории.

То есть смысл Симультанной истории состоит в том, что связь между событиями имеет не темпоральный, а симультантный характер, когда события рассматриваются как эманации (иллюстрации) или инобытие образов. События – это как бы грани образа. Образ сознания – как ось симметрии в кристалле, а события – как тело кристалла.

²¹ См.: К.-Г. Юнг. Человек и его символы. – Ресурс: [www. Royallib.com](http://www.Royallib.com)

²² Д.Хиллман. Архетипическая теория: К.-Г. Юнг // Д.Хиллман. Архетипическая психология. – СПб: Б.С.К., 1996. - С.37.

Образы сознания толкают нас на определенное поведение и таким образом реализуются. Реализацию (развертывание-вовлечение) какого-либо одного образа можно определить как хорион (дрегреч. “страна”, “местность”, “край”, “пространство”, “промежуток времени”), образующийся по принципу вовлеченности. Хорионы можно уподобить вихрям, составляющим единый поток. Хорионом может стать любая возможность, потенциал которой достигает известного предела (подобно числу Рейнольдса). Хорион – это нечто наличествующее по принципу *со-бытия*. Все, вовлеченное в хорион, наличествует симультанно его ядру.

Образ сознания составляет ядро хориона, а события - эманации, истечения, манифестации, реализации, иллюстрации данного образа – собственно хорион.²³

В статье “Симультанна історія” (Всесвіт, 1994, - № 3-4) я показал, что, например, политические события, происходящие в Месопотамии во времена третьей династии Ура (время правления Шульги), и события, происходящие в СССР во времена правления Ленина-Сталина, это эманации ядра одного и того же самого хориона “власть-как-харизма”, а поэтому они симультанны. Примеры эти были избраны из-за ярких внешних совпадений (то есть совпадения даже в деталях; в этом плане весьма показательным является форма мавзолея Ленина, копирующая форму месопотамских зиккуратов). Другим ярким примером являются цыгане. Ядром хориона, эманацией которого представляется это этническое меньшинство, являются идеи брамина Кумариллы, которые в VIII веке привели к т. н. “раджпутской революции” в Индии. Часть населения Индии вынуждена была оставить свою родину; вскоре это население появилось в Европе под названием цыгане. Таким образом, с точки зрения Симультанной истории, цыгане до сих пор переживают свою “раджпутскую революцию”. Впрочем, похоже, что на роль идей (образов) в образовании этносов (как, например, роль поем Гомера в образовании того, что мы называем Древней Грецией), обращают неоправданно мало внимания.

На первый взгляд, Симультанная история является историей парадоксальной, в которой, например, современные орудия труда являются разными иллюстрациями каменного рубила. Но это лишь на первый взгляд. Симультанная история не более парадоксальна, чем, например, коллекции почтовых марок, минералов или пивных этикеток, поскольку их объединяет один и тот же принцип вовлеченности.

Ниже приведен пример одного из макрохорионов – “власть-как-харизма”.

15

Я уверен в том, что мой пес Обормот сочиняет мифы (или мифы в нем сочиняются, как кому угодно). О чем? Может быть обо мне, может быть о чем-то другом. На чем основывается моя уверенность? Да хотя бы на том, что к нему приходят сновидения. Стоит понаблюдать за тем, как он спит, чтобы в этом убедиться. Обормот видит сны, а значит, подобно представителям вида Гомо сапиенс, обладает способностью к мифотворчеству, поскольку связь сновидений с архетипами и мифами очевидна, и миф является своего рода интегралом сновидений.

Если бы Обормот жил в стае, где господствует культ подчинения (силы), вполне вероятно, что он сочинял бы мифы в тому числе и о тех, кто в стае самый сильный и кому следует подчиняться. Можно спорить о том, насколько такое мифотворчество могло бы повлиять на его поведение (а значит, и на поведение его окружения), но бесспорным представляется

²³ Подробнее о хорионах в теории геосистем см.: Ретейом А. Ю. Земные миры. – М.: Наука, 1988.

то, что для представителей вида Гомо сапиенс именно мифотворчество лежит в основе их поведения.

В основе культа власти (силы), понимаемого как отношения господства-подчинения (господства воли одних над волей других, точнее подчинение воли одних воле других) лежит один и тот же миф о харизме. (прим.: дргреч. "милость", "божественный дар" - исключительная одаренность; харизматический лидер - человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом, основанным на особых, выдающихся качествах его личности - мудрости, героизме, "святости").

С точки зрения Симультанной истории, власть-как-харизма составляет единый хорион (точнее макрохорион, поскольку в него включены хорионы, соответствующие различным типам проявления власти)

Ядром хориона власть-как-харизма является космогонический миф – миф об установлении порядка из хаоса, зафиксированный во всех известных на сегодня мифологиях народов мира.

Разделение первобытного хаоса на небо и землю является прерогативой божества (или героя, наделенного божественной сущностью). Суть мифа состоит, однако, не в самом делении, а в циклическом восстановлении (поддержании) установленного порядка. Поэтому космогонический миф всегда есть мифом об умирающем и воскресающем божестве (герое). Мир периодически разрушается (низвергается в хаос) и лишь сила божества (героя) может вернуть его к порядку. Восстановление мира как порядка требует не только определенных усилий со стороны божества (героя), но и поддержки данного божества (героя) каждым из живущих. Такая поддержка происходит в форме культовых церемоний (мистерий, празднеств). Вот как это происходит в древнем Шумере.

“Мы упоминали священный брак шумерского царя, представляющего Думузи, с богиней Инанной: эта иерогамия происходила в ходе новогоднего праздника (§ 19). Для шумеров царская власть была дана небом; ее источник считался божественным, и эта идея сохраняется до самого конца ассиро-вавилонской цивилизации.

Сакральная природа суверена утверждалась множеством способов. Его называли "царем стран" (т.е. мира) или "четырёх сторон света". Первоначально эти титулы предназначались богам. Точно как у богов, вокруг его головы сиял сверхъестественный свет. Еще до рождения боги предопределяли его верховность. Хотя признавалось земное происхождение царя, он рассматривался как "сын богов" (Хаммурапи объявляет, что рожден Сином, Липит-Иштар – Энлилем). Это двойное происхождение делало царя наилучшим посредником между богами и людьми. Царь представлял народ перед богами и брал на себя грехи своих подданных. Иногда он должен был принять смерть за их преступления; по этой причине у ассирийцев был "заместитель царя". В текстах говорилось, что царь живет в непосредственной связи с богами, в сказочных садах, где растет Древо Жизни и течет Живая Вода [...] Царь – "посланец" бога, "пастырь народа", призванный богом установить на земле справедливость и мир. "Когда Ану и Энлиль призвали Липит-Иштара царствовать в стране и установить в ней справедливость [...], тогда я, Липит-Иштар, скромный пастух из Нипшура [...], установил справедливость в Шумере и Аккаде, как повелел Энлиль".²⁴

Наиболее полно образ правителя как божества проступает в статусе древнеегипетских фараонов. Если в Шумере правитель является в том числе и посредником между богами и людьми и в этом плане сам нуждается в ниспослании божественной благодати, то фараон имеет непосредственный статус божества, устанавливающего миропорядок из первобытного хаоса, и сам является источником благодати. Древнеегипетский фараон – наиболее яркая эманация ядра хориона "власть-как-харизма". Он непосредственный носитель "маат" – порядка, справедливости, истины; его поведение парадигматично для всех его подчиненных.

²⁴ М. Элиаде. История веры и религиозных идей. В 3-х томах. – М.: Критерион, 2002. - Т. I. – Р. III, §22.

Устанавливаемый священный порядок напрямую связан с образом “всеобщего блага”. Порядок и есть таким благом. Отсюда: правитель есть носитель порядка как всеобщего блага.

Таким же статусом обладает и правитель у индоевропейцев (хеттов, ханаанцев и др.). Власть – это дар богов. “Мне, Царю, боги – Бог Солнца и Бог Грозы – доверили страну и мой дом... (Боги) заботятся о царе. Они обновили его силу и не поставили предела его годам”. Царь “любим” великим богом. Благополучие царя идентифицируется с благополучием всего народа. Властитель – наместник бога на земле, но он также представлял от народа перед пантеоном.”²⁵

Царь как воплощение Вселенной ярко представлен в индийском обряде помазания на царство – раджасуйя.

“Он [царь. – Ю.О.] воплощал собой Вселенную и одновременно утверждался в роли Творца. Когда Владыка поднимает руку, это носит космогонический смысл, поскольку символизирует воздвижение Мировой Оси. В момент помазания царь стоит на троне с воздетыми руками: он олицетворяет космическую ось, выходящую из пупа земли (т.е. из трона – Центра Вселенной), и касается неба. Окропление водой – это Вода, спускающаяся с Неба по Мировой Оси (царю), чтобы оплодотворить Землю. Далее царь делает по одному шагу к каждой из четырех сторон света и символически обращается к зениту. Таким образом он получает в свое владение четыре стороны света и времена года, иначе говоря, становится повелителем всего пространственно-временного континуума Вселенной”.²⁶

Обожествление правителя (ванака) характерно и для Микенской Греции (XVI-XII вв. до н. э.) – “бесспорным является то, что человек, именуемый “ванака”, занимал очень высокое положение и ассоциировался, по видимому, с самим божеством”.²⁷

Показательными в этом смысле являются родословные древнегреческих царей. Так, аргосские цари вели свою родословную от Инаха, от Ио и Зевса, фиванские цари – от Ареса и Афродиты, афинские цари – от Эрехтония, цари-эолиды – от Эола, мирмидонские цари – от Эгины и Зевса, Троянские цари – от Троя, Афродиты, Эоса, Гекубы.²⁸

Отпочкование от идеи правителя как устроителя мира - Божественное происхождение древнегреческих героев. Они тоже устроители порядка, но порядка на уровне людей.

В древнем Иране на иранского царя возлагалась ответственность за сохранение и возрождение мира; он “борется с силами зла и смерти и помогает торжеству жизни, плодovitости и Добра”.²⁹

Таков же статус правителя в Израиле во времена пророков:

“На Саула, помазанного Самуилом, “нашел дух Господень” (10:6), ибо царь был “помазанником (*māšiah*) Господа” (24:7,11; 26:9, 11,16,23 и т.д.); он становился “приемышем” Яхве, в некотором смысле сыном последнего: “Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном” (2 Цар 7:14). Но Яхве не производит царя на свет, а лишь своим заявлением признает его, делает “законным”. Яхве дарует ему власть над всем миром (Пс 71: 8), и царь восседает на троне рядом с Богом (Пс 109:1; 1 Пар 28:5, 29:23 и т.д.). Царь представляет Яхве на земле, следовательно, принадлежит сфере божественного”.

²⁵ М. Элиаде. История веры и религиозных идей. В 3-х томах. – М.: Критерион, 2002. - Т.1. – Р. IV, § 43.

²⁶ Там же. § 74.

²⁷ См. Климкин А.И. Царская власть в Микенской Греции. Античное общество: проблемы истории и культуры. Доклады научной конференции 9-11 марта 1995 г. - Ресурс: www.centant.spbu.ru

²⁸ См. вступительную статью М.Н. Бычкова в кн.: Еврипид. Трагедии. – М.: Наука, 1999. – Т.1.

²⁹ М. Элиаде. История веры и религиозных идей. В 3-х томах. – М.: Критерион, 2002. - Т.1. – Р. IV, § 106.

“Монархия стала пониматься как новый завет между Яхве и Давидовой династией, продолжение синайского завета. *Заимствованный институт был облечен смыслом и ценностью, как новый акт священной истории* – в этом и состоит оригинальность идеологии царской власти у израильтян”.³⁰

Следует отметить, что политическая власть как новый акт священной истории – феномен, характерный не только для израильтян. Он проявлен повсеместно там, где речь идет о христианстве, иудаизме, исламе.

Такая же потестарная мифология (как сфера мифологических представлений о сверхестественной происхождении публичной власти) представлена и у древних римлян, и у древних скандинавов.³¹

На такой мифологии основываются генеалогии всех древних королевских родов.

Примером политического мифа может служить возведение сенатором и историком Аврелием Кассиодором правящего остготского рода Амалов через этногенетические мифы к героям античной истории. Прародителями рода были “не простые люди, но полубоги, что назывались Ансисами”.³²

Другим ярким примером политической мифологии является разработка Вергилием сюжета о происхождении рода Октавиана Августа и Юлия Цезаря от потомков Энея (от Юла – сына Энея). Сюда же относится миф о троянском происхождении королевского рода франков.”

О божественном происхождении лангобардских герцогов пишет Павел Диакон в “Истории лангобардов” (ок. 670 г.). О божественном происхождении скандинавских ярлов свидетельствует Снорри Стурлуссон в “Круге земном” (XIII в.). Причем примечательно, что все они, как и большинство позднейших хронистов, так или иначе старались увязать королевскую власть с Троей.³³ Так же и династия российских государей восходит к Рюриковичам, а через них – к богам Фрейру и Одину (известному своим мифологическим путешествием в Трою). Троя отождествляется с Вечным Городом (Римом). Посетивший Трою по определению владеет харизмой.³⁴

“Королевская власть носит в восприятии современников не просто сакральный характер, она в некотором смысле трансцендентна и всеобъемлющая, что ярко прослеживается в отождествлении персоны короля и всей этнополитической общности, объединенной королевской властью”. (с.206)

Многие древнегерманские народы имели возможность познакомиться с иранской идеей королевства, основанного на господстве какого-то одного харизматического королевского рода, происходящего, как считалось, от древних богов. Таким харизматическим королем был, например, гуннский Атила. Готы последовали примеру гуннов и, по свидетельству Иордана (551 г.), составили первое королевское родовое древо, которое выводило родословную правителей непосредственно от божественных предков. “Харизматическое происхождение приобрело первостепенное значение, но готский титул “*reiks*” не отвечал

³⁰ М. Элиаде. История веры и религиозных идей. В 3-х томах. – М.: Критерион, 2002. – Т.1. – Р. IV, § 113.

³¹ См.: Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011; в данной работе определен и термин “по тестарный”.

³² Цит. по: Прицак О. Походження Русі. – Пер. с англ. - К.: Обереги, 1997. – Т.1. – С. 284.

³³ Впрочем, это отдельная тема, к сожалению, отданная сегодня “на откуп” представителям т.н. романтического направления в исследовании прошлого.

³⁴ В этом плане весьма примечательным является название здания Конгресса США в Вашингтоне (1793 г.), если вспомнить, что Древний Рим был основан на Капитолийском холме, и первоначально Капитолием назывался главный храм Вечного Города.

таким запросам. Поэтому был отыскан соответствующий титул – *konungr*, “человек божественного происхождения”.³⁵ По свидетельству Снорри Стурлуссона (XIII в., “Круг земной”), первым получил этот титул, был Данп из рода Инглингов. За ним такой титул получали все скандинавские правители, в том числе и правящие позже на Руси – Рюрик, Ингвар, Вальдемар, Ярицлейф.

Вообще генеалогия всех европейских королевских династий всегда так или иначе связана с божественной харизмой.³⁶

Впрочем, вряд ли стоит перечислять все примеры проявления власти как божественной харизмы, чтобы понять, что главной чертой власти (при всех видах господства – традиционном, харизматическом и легальном, по М. Веберу) является ее вовлеченность в космогонический контекст. Даже такая форма, как либеральная демократия – самая совершенная система власти (согласно Ф. Фукуяме) – предполагает особую (часто непосредственно религиозную) харизму правителя, выраженную в требованиях: (1) лидер должен установить новый порядок, связанный с повышением благосостоянием народа; (2) служить неким идеалом для избирателей, в том числе и для религиозной их части, (3) быть публичной личностью (связь с народом), (4) всегда обладать хорошей физической формой (демонстрация силы, ловкости, гибкости ума) и т. п.

В макрохорион “власть-как-харизма”, ядром которого выступает космогонический миф, входят хорионы, условно названные как: “теократия”, “монархия” (абсолютная, конституционная, парламентская, дуалистическая), “аристократия” (власть привилегированных групп, консерватизм), “этнократия” (рассизм, фашизм, шовинизм, национализм, сепаратизм, фундаментализм), “технократия” (прогрессизм, профессионализм), “милитократия” (хунтизм), “демократия” (прямая, плебисцитарная, представительская), “олигархия” (власть социальных групп), “охлократия” (власть в переходные периоды), в свою очередь, состоящие из микро- и более мелких хорионов, охватывающие локальные хорионы-манифестации. Макрохорион “харизма-как-власть” входит в состав мегахориона “агрессия”.

Любой харизматический правитель (в рамках ли королевской власти или либеральной демократии) приходит к власти с обещаниями нового порядка или блага, то есть обновления, нового обустройства мира (будь то Хамураппи, “призванный богом установить на земле справедливость”, или “божественный” Ким Чен Ын, или такой же Октавиан Август, или “божественный” Гатутси в Руанде, или “полубог” Яков I Стюарт, или любой либерально-демократический правитель, получающий обязательное церковное благословение). Любая из известных система власти является проекцией ядра макрохориона “власть-как-харизма”, любая служит лишь иллюстрацией космогонического мифа.

Не трудно понять, что все это является *повторением* данного мифа. Труднее понять, что все это – *одно и то же* и что все эти со-бытия происходят симультанно, “здесь и сейчас”.

³⁵ Прицак О. Походження Русі. – Пер. с англ. - К.: Обереги, 1997. – Т.1. – С. 283.

³⁶ Об английских королях-“полубогах” XVII в. см.: Трюнов А.А. Эволюция мифологии английского абсолютизма в период правления Якова I (Стюарта) // Актуальные вопросы истории и политологии. – Вып. 6-1, 2009 - С. 24-34. Об их связях с Воденом (Одином) см.: Один в английской королевской династии. – Ресурс: www.e-reading.club

О французских королях все сказано в известной фразе Людовика XIV: “если я буду есть слишком много фуа-гра (жирной печени), то вся Франция будет страдать от гастрита”, определяющей тело правителя как тело народа.

Похоже, что Симультанная история старается вовлечь нас в некое всеприсутствие. Нет. Если говорить в терминах присутствия-отсутствия, то Симультанная история лишь напоминает нам о том, что мы и существуем во всеприсутствии и только посредством (или за счет) всеприсутствия и можем существовать, равно как и о том, что в этом мире *уже* присутствует все, в том числе, например, и моя и ваша смерть.

Трудно ли жить в таком “мире всеприсутствия”? Должно быть, на этот вопрос каждый отвечает сам. По крайней мере, в нем каждый может переосмыслить свое отношение к такому понятию, как “страх”.

И похоже, что Симультанная история больше тяготеет к эмоционально-психологической составляющей мировоззрения, чем к интеллектуально-познавательной.

Если говорить о мировоззрении, то нетрудно заметить, что обе составляющие обычно зависят от идеологического фактора (или являются его производными). Например, если у нас в голове безраздельно господствует идея прогресса (хотя бы в виде высказывания “все развивается от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному”), то мы и действовать будем соответственно, считая амебу или любой животный или растительный вид примитивными (хотя та же амеба намного превосходит представителя Гомо сапиенс в том, что касается смерти и бессмертия). Мало того, мы будем считать “менее развитыми” (или “не столь умными”), чем мы, всех тех, кто “существовал до нас”, полагая их идеи и орудия как примитивные (хотя, как убедительно показал М. Саллинз, экономика каменного века, если определять ее в терминах гуманности, с ее обменом является более совершенной, чем, например, рыночная). Я не говорю уже о таком странном изобретении ярых сторонников идеи прогресса, как “колесо истории”. Но возможно, самым грустным подарком идеи прогресса является наша четкая психологическая установка “новое=лучшее”, постоянно стимулируемая той же рыночной экономикой.³⁷ В этом плане Симультанная история является не более, но и не менее, чем попыткой заменить термин “примитивный” (неразвитый, несовершенный, простой) термином “другой” (иной), то есть попыткой пересмотреть установки нашей бытовой психологии.

Что касается интеллектуальной составляющей, то, в онтологическом срезе, принцип симультанности, возможно, поможет решить один из принципиальных вопросов современной метафизики – о соотношении субстрата и суперстрата, то есть соотношении “квантового супа”, каковым является все вокруг и мы сами с точки зрения квантовой физики, и того, что мы обычно видим и чувствуем, в том числе и проблему “часть-целое” или проблему “нигилизма”, как ее видят, например, современные исследователи.³⁸ То есть, вполне возможно, что принцип симультанности поможет нам увидеть и понять, скажем, стол и в его “текучем” и в его “твердом” состояниях одновременно, что даст толчок к переосмыслению такого понятия, как “вечность”.

Попытки соотнесения “реальности-как-она-есть” с “реальностью-как-мы-ее-видим”, например, в рамках христианского материализма приводят к весьма оригинальным концепциям о возможном посмертном существовании человека. Например: “Модель похищения тела” (“Snatched-body Model”) - в последние мгновения жизни человека Бог

³⁷ Подр. об этом см.: Ю. Олійник. “Нове” vs. “стає”... - Ресурс: www.prostir.museum.ua

³⁸ См., напр.: T. Sider. Against Parthood // Oxford Studies in Metaphysics. – Oxford: OUP, 2013. – V. 8. – P. 237-293.

“похищает” (remove) его тело, подменяя его симулякром, который впоследствии и подлежит захоронению;³⁹ “Модель падающего лифта” (“Falling Elevator Model”), предполагающая, что в последнюю минуту жизни человека в его организме происходит мгновенное деление клеток на атомном уровне, приводящее к своеобразному удвоению человеческого тела; одно тело остается в виде трупа, а другое (полностью обновленное) переходит в “отдаленный мир”, где продолжает жить.⁴⁰ И если в данной модели речь идет о мгновенном удвоении, то в других подобных моделях аргументируется постепенное формирование (assimilation) дубля.⁴¹ Вполне вероятно, что принцип симультанности может стать исходной точкой для появления качественно других моделей “посмертного существования”.

В эпистемологическом срезе, принцип симультанности, в отличие от хронологического и каузального методов описания, открывает, как мне кажется, более широкие возможности в познании того, что мы обычно называем прошлым. Кроме того, это возможность избежать историцизма и субъективности при таком описании, избавляющая от необходимости каждый раз “переписывать” историю.

В аксиологическом срезе, симультанность – это возможность правильной оценки происходящего на основе более широкого взгляда на вещи. Осознание всеобщей взаимосвязи (или “всеприсутствия”) может привести к пересмотру многих мировоззренческих вопросов, связанных, например, с отношениями “человек и животное”, “я и другой”, “свои и чужие”, “живой-мертвый”, “смерть и бессмертие”, “душа и тело” и т.п.

В психологическом срезе, использование принципа симультанности поможет, как кажется, прояснить некоторые вопросы, связанные с психологической адаптацией, в том числе и “Я”-идентификацией, и, надеюсь, поможет каждому ответить на главный вопрос, сформулированный К.-Г. Юнгом и объединяющий представителей Гомо сапиенс в единый вид: имею ли я какое-то отношение к бесконечности?

³⁹ P. van Inwagen. The Possibility of Resurrection // International Journal for Philosophy of Religion, 1978. - 9:2. - P.121.

⁴⁰ См., напр.: D. Zimmerman. The Compatibility of Materialism and Survival: The “Falling Elevator” Model // Faith and Philosophy, 1999. – 16. - P. 194–212.

⁴¹ См., напр.: D. Harshenov. Van Inwagen, Zimmerman and the Materialist Conception of Resurrection // Religious Studies, 2002. – 38. - P. 451–69.